

разумом. То, что вещи существуют, означает, что существуют они по воле Бога: «*est substantia omnium voluntas ejus*»**.

Человек, как и все прочие существа, непосредственно и целиком сотворен Богом. Будучи Божьим творением, человек добр; будучи сотворенным, он несовершенен не только в том смысле, что конечен, но и потому, что, не являясь тем, чем он должен быть, человек обречен на падение. Но с другой стороны, человек может постоянно приближаться к той степени совершенства, которая ему доступна. Под словом «человек» следует понимать единство души и тела: только душа — не человек, она лишь душа человека. Душа, состоящая из духа (*spiritus*) и собственно души (*рпешпа*), согласно св. Павлу продолжает существовать после смерти человека; она даже сохраняет его образ — и это доказывает, что она не может переселяться из одного тела в другое. Иринеи называл души бестелесными (V, 7, 1), но неясно, означает ли это подлинный спиритуализм или речь идет лишь об относительной их бестелесности в отличие от тел в собственном смысле слова, потому что в другом месте Иринеи говорит о душах, принимающих форму тел их обладателей; так, вода, замерзающая в сосуде, принимает форму сосуда и сохраняет ее, когда сосуд разбит. Доказательством этому служит то, что души людей узнают друг друга после смерти. Все это, разумеется, относится к *spiritus*; что же касается *рпешпа*, в которой иные толкователи видят не что иное, как божественную благодать, то ее природа описана настолько туманно, что на сей счет нельзя утверждать ничего определенного.

Главные способности души — интеллект и свободная воля. Отец сотворил каждого по Своему образу: «*propriam sententiam unum-quemque habentem et sensum liberum*»***. Интеллект (*nous*) начинается с созерцания (*contemplatur*) вещей, затем он их осмысли-

Глава I. Греческие отцы и философия 34

вает (*cogitat*), извлекает знание (*sapit*), опираясь на которое рассуждает (*consiliatur*) и которое обсуждает в себе самом (*animo tractat*), и, наконец, выражает его в речи. Таким образом, наш интеллект, как и Отец, порождает Слово, но сам он ничем не порожден. Разумное существо — это свободное существо: «*homo vero rationalis, et secundum hoc similis Deo, liber in arbitrio factus et suae potestatis*»*; оно способно исполнять Божьи повеления в той мере, в какой их понимает: «*liberum hominem fecit Deus ab initio, habentem suam potestatem sicut et suam animam ad utendum sententia Dei voluntarie, et non coactum a Deo*»**; тем самым свободная воля уподобляет человека его Творцу: «*liberae sententiae ab initio est homo, et liberae sententiae est Deus, cui ad similitudinem factus est*»***. В этом пункте св. Иринеи упрекали в «пелагианстве до Пелагия» * * * *. Это верно лишь в том смысле, что Иринеи, подобно большинству греческих отцов, постоянно подчеркивал значение свободной воли как основы нравственной и религиозной ответственности, но он никогда не отождествлял ее с благодатью, как это сделал позднее Пелагий, и к тому же обосновывал свою точку зрения ссылкой на св. Павла (Рим 2:5—8). Не будем забывать и того, что Иринеи полемизировал с гностиками и опровергал их идею, будто бы люди делятся на виды — на «материальных» и «душевных», что само по себе возлагает на Бога ответственность за все совершаемое ими. Если каждый человек, говорил Иринеи, свободен в своих решениях, то и каждый человек ответствен. Верно, что грех уменьшил степень нашей свободы, но он не отменил ее (IV, 37, 5). Так решается та единственная проблема, о которой в данном случае идет речь: объяснить наличие морального зла в мире, не возлагая ответственности за него на Бога.

В проблему воскресения человека Иринеи не привнес ничего нового по сравнению с Афинагором и Татианом. Скорее наоборот, его эсхатология довольно курьезна. Иринеи описывает конец мира так, как будто только что прочел о нем подробный репортаж. Он